

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

("Ваш ребенок нужен только Вам")

ИСУПОВА Ольга Генриховна - научный сотрудник Института социологии РАН.

Советское государство всегда подчеркивало и превозносило материнскую роль, или материнскую "функцию" женщины, как это называли в 20-е годы; символическое поощрение рождения детей для государства было очень развито, пусть даже материальное поощрение от него сильно отставало (см., например, [1-4]). Теперь все изменилось - государственная поддержка матерей и детей, даже символическая, практически отсутствует. Интересно выяснить, какие изменения при этом произошли на индивидуальном уровне, каковы мотивы рождения детей в современной России, место деторождения в общей картине женских жизненных устремлений. Предметом настоящей статьи является картина репродуктивного поведения женщин в нашей стране и самообъяснения ими этого поведения.

Качественная методология, и, более конкретно, интервьюирование, представляется наиболее релевантным при изучении идей и представлений людей. Основой данной работы стали качественные интервью с 30-ю женщинами репродуктивного возраста. Соответственно, эти женщины так или иначе сталкиваются с необходимостью решать для себя "материнский" вопрос. Самой старшей из респонденток в момент интервью (1997 г.) было 37 лет, младшей - 19. Интервьюируемые женщины находятся в самых различных отношениях к материнству (подробнее см. приложение).

Есть, кроме того, "отказницы", т.е. женщины, отказывающиеся от родительских прав на своего ребенка сразу после родов [4, 5].

В традиции гендерных исследований, а также в рамках феминистского подхода (надо сказать, что в исследуемой области, так же как и во многих других, достаточно трудно развести эти две традиции), отношение к материнству очень противоречиво.

Одни авторы считают материнство основой неравенства женщин и их эксплуатации обществом; здесь можно вспомнить Суламифь Файрстоун [6], Л юс Иригарай [7]. Материнство также объявляется агентом мужского в женском мире и в целом оценивается отрицательно, поскольку привносит в женский неагрессивный мир равенства властные отношения и стремление к достижению, присущие мужскому миру. Ведь женщинам свойственно гордиться своими детьми, рассматривая их как достижения. Кроме того, власть матери над маленьким ребенком почти безгранична.

Однако в рамках феминистского подхода существует и другая точка зрения. Есть авторы (например, Е.А. Каплан [8], М.М. Каплан [9], Э. Оаклей [10]), для которых мать - это не агент враждебного мира, объект, а прежде всего женщина, субъект, и, стало быть, она заслуживает такого же внимания со стороны гендерной теории, как и любая женщина. С точки зрения этих авторов, материнство - существенная, хотя и не обязательная, часть жизни женщины, оно многое ей дает, а не только все у нее отбирает. Большая же часть остальных (нефеминистских) теорий материнства (психоанализ, биосоциология, государственнические теории, опирающиеся на идеи Руссо, в том числе подход, принятый в официальной советской идеологии) рассматривало его прежде всего как долг, работу. Присущие родительству удовольствия просто не рассматривались. Впрочем, некоторые современные "постфеминистские" авторы [11], напротив, убеждены, что ожидаемое удовольствие от детей в наше время является

главной мотивацией их рождения, роль детей как последнего "эмоционального якоря" для взрослых бесконечно важна в мире, где осталось слишком мало прочных эмоциональных связей.

Столь существенные различия в отношении к материнству даже в рамках одного и того же феминистского подхода многими связываются с различиями в традиционном статусе матери в разных культурах, влияющими на позиции авторов, происходящих из этих культур [8, 9]. Русской православной культуре был присущ относительно высокий статус женщины как матери - правда, на основе ее полного самопожертвования в этой роли. Однако нельзя забывать о том, что эта культура вся была проникнута пафосом самопожертвования, и мужчина также, только служа другим, мог рассчитывать на достойный статус и самоуважение (см., например, [12]). Эти другие варьировали от царя-батюшки и России-матушки до народа-страдальца или нуждающегося в облагодетельствовании мировой революцией человечества; суть в том, что это в очень малой степени была своя семья - дети, и тем более женщина. С другой стороны, в крайних вариантах свойственных русской культуре представлений женщина, напротив, должна была служить мужчине даже в ущерб детям (характерный пример - жены декабристов, отправившиеся в ссылку за мужьями, бросив детей в России; многие из этих детей, если не все, в результате погибли, и тем не менее эти женщины превозносились как идеал самопожертвенного героического в чисто женском смысле поведения). Но обычно все же ожидалось, что именно дети станут для женщины главными другими, полномерное служение которым будет ее основным долгом.

Довольно важный для православия культ Богородицы - Святой Марии именно и прежде всего как матери Бога, а не в других аспектах этого образа, как видно из самого ее именованья (что было отмечено И. Аристарховой [13]), не мог не оказывать влияния на восприятие материнства в русской культуре. Причем чем ближе процесс рождения и воспитания детей по своему характеру к подвигу, к мученичеству, тем выше самоуважение женщины и тем положительнее ее оценивают окружающие - в духе почитания святых (см. в [12, 13, 14]¹). Для русской культуры в советском ее варианте характерно превозношение культовой фигуры матери многих детей, затем отдающей их на алтарь государства ("Родина-мать зовет!"). Отец как бы естественным образом отсутствует в такой модели ("*у мужчин другие задачи в жизни*", как сформулировала это одна из моих интервьюируемых (Алиса (9)²; см. также [3, 4, 15]).

Начальное предположение о том, что отношение к материнству и материнское поведение - это не сформированный с детства психобиологический конструкт, а *зависимая от социальной ситуации переменная величина*, было подтверждено исследованием. Например, Лада (23), сейчас очень счастливая своим состоявшимся материнством, ранее не могла его осуществить в том же браке, поскольку не считала себя и своего мужа готовыми к родительству в социальном смысле ("*мальчик рядом*"), достаточно зрелыми. Но когда их ребенок появился на свет, это, с ее точки зрения, наоборот, послужило на пользу супружеству, так как заново сблизило Ладу с ее мужем. Надя (3), многодетная (четверо детей) мать, в целом очень позитивно настроенная по отношению к материнству, родила детей во втором браке, с партнером, положительно относящимся к деторождению, в то время как в первом браке она сделала два аборта: "*А в первом браке мой муж не хотел детей, и поэтому приходилось делать аборт*". Вера (4) рассказывает о довольно часто встречающихся ситуациях одинокого материнства, когда на него решается женщина старше 40 лет, ранее никогда не рассматривавшая для себя такую возможность: материнство от одиночества, "*когда родные умрут*", то есть родители или другие старшие родственники, за которыми она предварительно долго ухаживала в их болезни и старости.

В конечном итоге для большинства глубоко укорененная мотивация к деторождению все же побеждает неблагоприятные жизненные факторы: даже в случае "полного проигрыша" на пути создания "благоприятных условий" женщины стремятся родить (или сохранить для себя, в случае отказниц) первого, единственного, ребенка. Для большинства различие между тем, чтобы не иметь детей вообще, и тем, чтобы иметь

одного ребенка - качественное, в то время как различие между матерью одного ребенка и матерью 2-х или даже 10-ти детей - только количественное.

С другой стороны, **социальная обусловленность репродуктивного поведения не универсальна**. Существуют крайние группы женщин, которым ребенок нужен или не нужен без явной зависимости от условий их жизни: *"Мне просто был нужен, нужен ребенок..."* (6). "Экстремальные" позиции в исследуемой совокупности интервьюируемых занимают две женщины - Валя (18), сохраняющая ребенка вопреки объективным условиям ее жизни, с одной стороны, и Ксения (8), отказывающаяся от новорожденного, несмотря на внешне благоприятные обстоятельства, с другой. Но таких "экстремистов" немного. Для большинства же конкретное поведение в отношении материнства в определенный момент времени определяется теми или иными социальными причинами. Например, ребенок дает возможность привязать к себе мужчину, или все окружающие считают, что родить - обязанность любой женщины в данных обстоятельствах. Или, наоборот, ребенок разрушает привычное жизненное пространство, приводит к потере мужчины-партнера, ухудшению или ломке отношений с альтернативными "партнерами" по жизни в настоящий период времени - ими могут являться не только родители, родные или приемные, самой женщины, но в некоторых случаях и ее старшие дети; ребенок мешает учебе; ребенок помогает сохранить или поддерживать мир в супружеских отношениях (*"это объект, устанавливающий мир в семье"* (6)), и т.д.

Дальнейшее изучение материалов интервью привело меня к мысли, что разнообразные причины, побуждающие женщин к рождению детей или к воздержанию от такового, поддаются определенному обобщению. Прежде всего и наиболее явно вырисовывается группа мотивов, которую можно обозначить как **"мужчина"**, то есть когда ребенок появляется на свет ради некоего конкретного мужчины, или, чаще, более косвенно, из-за этого мужчины. Такие причины обычно эксплицитно выражены в словесных объяснениях самих интервьюируемых. Сюда можно отнести как ситуации "борьбы за мужчину", а также рождения ребенка из-за того, что его хочет значимый для женщины мужчина-партнер (*"Если какие-то семейные обстоятельства как-то давят на нее в этом направлении, если ее муж хочет детей..."* (4)), так и некоторые другие случаи.

Отрицательное отношение к мужчине, часто основанное на реальных обидах, может переноситься на ребенка, который в результате отвергается матерью: *"Если он [отец ребенка]* не хочет, зачем я буду [растить сына]..."* (7). Очень многим не нужен и ребенок, если не нужен его отец. С другой стороны в большинстве случаев, если нужен мужчина, то нужен и ребенок от него: желание иметь ребенка очень многими связывается с любовью к конкретному мужчине. Кстати, в этих случаях, как правило, хотят сына. Причем речь идет именно о **желании** родить, не обязательно осуществляющемся на практике. Если же оно осуществляется, то часто в весьма неблагоприятных экономических и социальных условиях, поскольку такая мотивация для некоторых очень сильна. Лучше всего подобное отношение к материнству выражено известной фразой из песни Вероники Долиной: *"Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила, всех видов и мастей"* (кстати, интервьюируемые часто вспоминают эту песню, рассуждая о роли любви в деторождении): *"Каждый следующий мужчина [в моей жизни] ... вызывает во мне желание родить от него ребенка", "... ребенок хочет родиться от некоего красивого чувства"* (2); *"У меня есть подруги, они родили детей от любимых мужчин, и, несмотря на то, что мужчины отказались жениться, они любили их так сильно, что... просто... они не смогли ничего сделать [аборт], они оставили детей расти"* (3); *"Одна, - знаете, "когда б мы жили без затей"... - родила себе таким образом двоих мальчиков и девочку. Она совершенно не способна контролировать ситуацию"* (4). Такая любовь

В квадратных скобках здесь и далее даны пояснения автора к текстам интервью.

может быть и единственной в биографии женщины, тогда "все", кого она любила, равны одному - тем сильнее ее решимость родить ребенка именно от него, и ни от кого другого. Алла (5) хочет иметь ребенка только от мужчины, с которым ее связывают многолетние отношения, несмотря на то, что они не могут пожениться или даже просто жить вместе: *"Я знаю точно, абсолютно, кого я хочу, чтобы он стал их отцом. Я даже не могу представить себе кого-то другого в качестве отца моих детей"*.

Конечно, ребенок может быть нужен и сам по себе, не обязательно в связи с женщиной. Поэтому я выделила группу мотивов, которые обозначила **"ребенок"**. Мужчина иногда имеет скорее инструментальное значение "отца моих детей". Такой подход в некоторой степени характерен для Киры (24), Яны (2). Ребенок же иногда бывает нужен, вначале скорее как игрушка: *"Вы знаете, девочки играют в куклы, и я хотела что-то вроде такой собственной куклы для себя"* (3); *"Я любила играть в куклы. Я очень это любила!"* [в ответ на вопрос, почему хотела детей], и даже: *"Я думаю, если в человеке чего-то такого нет [любви к игре в куклы], это ненормально"* (5), но во всяком случае как нечто отдельное от себя: *"Когда детей двое - уже становится ясно, что это самостоятельная материя, дети. И уже видно, что они очень независимы в своих рассуждениях, и приходится это принять"* (2). Желание иметь ребенка как такового может сосуществовать с потребностями, завязанными на мужчину или что-то еще, а может быть нужен и только ребенок, как Гале (6) или Алле (5). Но и в случае сосуществования с другими потребностями ребенок может представляться наиболее значимой из них: *"Я всегда хотела иметь первого [ребенка], первый есть первый"* (7); **"Интервьюер** (далее везде И.). *Так что же, ребенок важнее мужчины!* **Респондент** (далее везде Р.). *Важнее"* (7). И это говорит отказница (правда, о своем первом ребенке, а не о втором, которого оставляет в роддоме!).

Кому-то просто приятны маленькие дети: *"Я просто всегда очень любила детей"* (4); **"И.** *Вообще, любите ли Вы маленьких детей? Р. Очень люблю. И всегда любила"* (6); кого-то притягивает детство как таковое, а жизнь бок о бок с ребенком позволяет до некоторой степени вновь пережить свое собственное детство: *"Так [общаясь с ребенком] я могу позволить себе вернуться в свое собственное детство в гораздо большей степени, чем я могла бы это делать без ребенка"* (4). Некоторые испытывают желание заботиться о ком-то маленьком, своем: *"что-то мое, собственное, родное"* (3); *"ну, как... ребенок для себя, свой ребенок - вырастишь, выкормить"* (8); *"это были чужие дети, абсолютно, я всегда это чувствовала [о школьниках-учениках]... И я еще хочу, чтобы они были похожи, во всех плохих даже чертах характера, на меня и, что ж... на отца, которого я для них выбрала [о своих детях, которых хочет родить]"* (5). И даже: *"... пусть они идут к черту, чужие дети, лучшие родить своих"*; или - о теперь своем: *"...Вы понимаете, ребенок, каким бы он ни был, я уже не смогла бы от него отказаться [о процедуре усыновления]... как только я увидела ее, я тут же поняла, что этот ребенок будет мой, что это мой ребенок"* (6). *"Если я решусь сделать что-то еще, - это, может быть, только усыновить еще одного ребенка"*. При этом *"усыновление - это только для крайних случаев, вроде моего"* (6); ребенок - уже не свой для отказавшейся от него матери: *"Я просто не хочу его видеть, это уже не мое"* (7).

Иногда желание рожать детей перерастает во что-то вроде страсти, которой невозможно сопротивляться, становится подлинным удовольствием: для Нади (3) материнство стало в определенном смысле чем-то безусловным после того, как она родила первого ребенка. Надя обнаружила, что отныне аборт для нее невозможен: *"Я думаю, аборт можно делать, пока у вас нет детей, но после того как у вас уже есть ребенок, вы знаете, какое наслаждение общение с малышом доставляет вам, как вы можете отказать себе в этом удовольствии? -...Я получала именно удовольствие, наслаждение от ребенка"* (3). Впрочем, радость, связанная с появлением ребенка

на свет, может объясняться не только удовольствием от общения с малышом. Женщина может ощущать присутствие высших, божественных сил в деторождении: *"в этом есть что-то такое самоутверждающее... как бы - не было ничего, а теперь есть человек... так что можно сказать, что во всем этом... есть некий божественный элемент"* (2), или ставить знак равенства между ребенком и самой жизнью. Например, Вера (4) так объясняет, почему она не сделала аборт, когда забеременела, от, в общем-то, нелюбимого мужчины, к тому же будучи не замужем: *"Я просто очень жизнь люблю... Я подумала - что я могла надеть [если бы сделала аборт], ребенок никогда не играл бы в этих лужах!"* (4). В духе подобных представлений те, кто не хочет иметь детей, понимаются как не любящие жизнь: *"не любить, не любить ничто живое... Любить только себя..."* (6). На что отказницы словно бы отвечают отрицательной оценкой подобных мотиваций деторождения как безответственных: *"...они не хотят делать аборты... родился - хорошо, пусть живет, а как он будет жить - никому нет дела..."* (7). Видимо, с этой точки зрения, жизнь плохого качества хуже не-жизни.

Довольно трудно отделить группу мотивов, которые я обозначила как *"я сама"*, от группы мотивов, названной *"ребенок"*, поскольку ребенок может быть очень нужен, и отнюдь не в связи с мужчиной, но, например, для самоутверждения. Возможно, отделяет эти две группы мотивов друг от друга готовность женщины поступиться своими интересами ради чьих-то еще, сочувствовать, жалеть, ощущение необходимости делать что-то для кого-то другого. *"Они [те, кто хочет иметь детей] должны быть готовы к тому, что им придется отказывать себе во многом"* (4); *"Иногда я хочу чего-нибудь, но я понимаю, что моим детям будет хуже от этого, и тогда я отказываю себе в этом"* (3); *"Вы знаете... Просто они [дети] сами собой получились. .. [смех] ...и жалко было выбросить..."* (1); *"Четвертый, это просто... ошибка здоровья... Я просто очень сильно чувствую, что это жизнь во мне, и я не смогу ее убить, я не могу это преодолеть..."* (3); *"...для того, чтобы реализовать себя в любви..."* (4); *"...для того мы ее и взяли [удочерили], все, что мы сможем сделать в жизни, все это будет ее"* (6); желание дарить: *"...дать им жизнь, как дар..."* (2). У некоторых все это доходит уже просто до невозможности жить только для себя: *"Мы были просто уже сыты по горло этой жизнью для себя... Скучно, во-первых, это скучно"* (6).

Но встречаются и такие случаи, когда и мужчина, и ребенок находятся на периферии жизненного мира женщины, что-то третье нужно ей гораздо больше - наиболее характерный пример такой жизненной философии - Майя (20). Майя утверждает, что для нее главное содержание жизни - работа над своим сознанием, духовное, и самое важное - покинуть эту жизнь в более "просветленном" в смысле сознания состоянии, чем то, в котором ты в нее попал. При этом дети не отрицаются, но они мало существенны с точки зрения выполнения главной задачи: *"Если в конце жизни окажется, что у меня нет детей, это будет довольно грустно, но не трагедия"* (20). Для Ксении (8) учеба важнее детей и мужа, по крайней мере, в данный период ее жизни. У Юлии (26) есть ребенок, и она не испытывает по этому поводу отрицательных эмоций. Но он, в общем-то, не занимает главного места в ее жизненном мире, в центре которого - творчество, работа, секс, общение с интересными людьми, риск. Ребенок появился в этом мире достаточно закономерно - Юлия чувствовала желание испытать в жизни все, что возможно.

Необходимо отметить, что и в тех случаях, когда дети (и/или мужчина) не на периферии жизненных устремлений, что-то третье все равно, как правило, нужно. Это может быть просто немного свободного времени: *"Я хочу, начнем с того, иметь хоть немного времени просто для чтения"* (3), или работа, карьера, профессиональный успех, образование: *"И. Вам никогда не хотелось просто сидеть дома с детьми? Р. О, нет, я думаю, я не смогла бы сидеть дома. Иногда даже, бывало, ребенку всего"*

4-5 месяцев, и я оставляла его со старшими детьми - и шла на ферму коров доить! А они положат дитя в коляску и везут ко мне в коровник..." (1); "Мой отец и я, мы были всегда более... заинтересованы друг в друге, и папа всегда ожидал, что я сделаю некую блестящую карьеру" (2); "Иногда мне кажется, что - да, если бы их [детей] не было, моя самореализация могла бы быть в чем-то другом" (3); "У нас в организации есть матери [-одиночки], которые не только работают в двух местах, но в то же время умудряются еще и учиться по вечерам, на вечернем... или, там, на заочном... то есть они забывают о своем здоровье в этих усилиях, но тем не менее как-то растут..." (4). Кому-то карьера не интересна: "**И.** А как насчет желаний карьеры, какого-то профессионального развития? **Р.** У меня никогда не было таких желаний" (5), или кажется несовместимой с детьми: "Я хотела как можно скорее избавиться от этого университета, чтобы иметь возможность нормально заниматься только моим ребенком" (3). Однако, в конечном итоге, всем и всегда нужен просто мир вокруг, от которого мать не должна оказаться изолированной: "Дети не должны никогда думать, что они единственный интерес в жизни для своей матери" (4); "... она должна обязательно заниматься чем-то еще. Иначе она становится... настолько растворенной в своем ребенке, что портит ему жизнь" (5).

"**Я сама**" - вообще сложная группа мотивов, и она может работать как "против", так и "за" ребенка. Под этим названием я объединила те из причин, побуждающих женщину к рождению - или к нерождению - которые так или иначе связаны с ее собственной личностью, то есть все то, что она, осознанно или неосознанно, прямо или косвенно, рассчитывает или надеется получить для себя (или потерять) в связи с появлением ребенка на свет. Те, кто хочет ребенка "**для себя**", часто мечтают о дочери, а не о сыне.

"**Личные**" причины многообразны: некоторые интервьюируемые говорят о бессмертии, продолжении рода или, скорее, о своем собственном продолжении: "Один ребенок - это означает, что ты "повторилась", то есть здесь ты видишь, ты имеешь непосредственное продолжение, концентрация на первом ребенке очень сильна..." (2); "Я считаю, что мы все равно не умираем, мы остаемся в наших детях... и поэтому - да, мы продолжаем свою собственную жизнь" (3); "[дети нужны] для себя, как продолжение" (7). О том, что ребенок может служить цели удержания, "привлечения" мужчины, говорилось выше. Это тоже достаточно "личный" мотив в том смысле, что женщина рассчитывает получить мужчину для себя с помощью ребенка. Ребенок может также представляться "обеспечением" неодинокости старости, или спасением от одиночества уже сейчас: "А без детей - как? Кто в старости подаст стакан воды..." (1) "...женщины, которые рожают детей от одиночества... Когда она остается совершенно одна" (4). С ребенком могут быть связаны надежды на улучшение жизни, на него могут быть переложены собственные неосуществленные амбиции. Например, Кира (24) ожидает от своего сына и того, что он станет миллионером и обеспечит ей богатство хотя бы в старости, и того, что он будет гениальным и осуществит в этом втором варианте ее жизни собственные мечты Киры об успешной творческой карьере.

В связи с интересами личностного развития и жизненными планами матери очень важен временной фактор - насколько приемлемо для женщины родить ребенка именно сейчас. Даже у деревенской многодетной матери Нины, которая, судя по ее медицинской карточке, просто была хронически беременна все время своего первого замужества и всегда хотела иметь много детей, обнаружился перерыв в фертильности в один особый период ее жизни. "...**И.** Итак, затем [после смерти первого ребенка] у Вас два года не было детей. Почему? **Р.** Я просто не хотела!... только потом, когда все уже стало нормально..." (1) - то есть когда переживания, связанные с гибелью первенца, как-то улеглись в ее душе. Для кого-то время даже может стать главной декларируемой причиной отказа от младенца (Ксения, 8): "**И.** И вы не хотели бы

иметь детей? Вообще? Р. Нет, но в данный момент - нет... Я не хочу ребенка, и именно в настоящий момент". Ребенок не всегда кстати в женской жизни, и даже те, кто в какой-то период времени начинает считать деторождение единственным смыслом существования, как Алла (5), в неподходящее время весьма решительно расправляются с завязавшейся в них жизнью: "...аборт. Но ведь это было 7 лет назад, и я тогда не была готова к материнству. И я даже сделала этот аборт абсолютно сознательно". При взаимодействии с временным фактором наиболее явно вступают в противоречие между собой жизнь женщины, **"я сама"** как ценность, с ребенком, его жизнью как ценностью. При этом обе эти ценности, вообще говоря, присутствуют. В одних случаях побеждает ребенок, и женщина смиряется с необходимостью заботиться о нем, пусть и появившимся в тот момент, когда она предпочла бы решать другие проблемы своей жизни (например, Вика (21), Кира (24), Элла (16)); в других случаях побеждает **"я сама"**.

Особый круг мотивов этой группы, возможно, наиболее важный для многих, я назвала бы **"материнство как идентичность"**. То есть материнство - нечто настолько существенное в некоторых судьбах, что можно говорить о нем как о центральном аспекте личности женщины именно как женщины: "...по-настоящему, по-женски [о вторых родах]... У меня было довольно стоическое отношение к этому. Вроде - вообще, все самки в мире делают это" (2), "Как? Ну, все будут идти с детьми, а я без - что я, бесплодная какая, или больная, или я не могу?" (1); о стержне ее социального самоопределения: "Я действительно не была достаточно взрослой, я стала взрослой через [материнство]..." (4). Для многих стать матерью - значит найти себе место в жизни, самореализоваться: "Моя самореализация через детей завершена - у меня есть сын, у меня есть дочь" (2), самоутвердиться, поверить в себя: "Я стала спокойнее, безусловно, моя меланхолия совершенно прошла" (4); вообще состояться в жизни, найти ее смысл для себя: "Я просто внезапно почувствовала, что я исчерпала смысл моей жизни, той моей жизни тех лет [и после этого родился ребенок, и] ...в моей жизни появился смысл, новый смысл, абсолютно другой" (4); "У меня просто теперь есть смысл моей жизни - что я должна что-то делать для кого-то" (6). Являясь, таким образом, стержнем идентичности многих женщин, материнство, тем не менее, не кажется им универсальным путем самореализации, которым должны идти все. Напротив: тем, кто действительно состоялся в жизни именно через материнство, оно видится скорее как их индивидуальное призвание, как своего рода профессия, работа: "И. Это именно работа? Р. Да, если к этому относиться серьезно" (3). Следовательно, как и любая профессия, материнство не должно быть уделом всех и каждого, ведь всякое призвание подразумевает существование людей, у которых такого призвания нет: "...не всякая женщина может справиться с материнством. Она просто не умеет, хотя она, может быть, и старается очень" (4). В этом можно увидеть еще одно проявление изменений в статусном характере материнства - теперь оно становится предметом "профессиональной гордости" "хороших матерей", качественно и с любовью к своему делу выполняющих свою работу.

Описанные три группы побудительных причин деторождения (или нежелания рожать) в некоторых конкретных случаях могут оказывать совместное влияние на женщину. В других ситуациях присутствуют только одна или две из причин, а остальные не имеют серьезного субъективного значения - или имеют только инструментальное, как средство достижения целей из ценностных групп. Иногда какая-то из групп мотивов может иметь одновременно ценностный и инструментальный смысл. Например, Лада (23), для которой ребенок очень важен и как удовольствие, и как призвание, и как соприкосновение с божественной стороной жизни, все же придавала рождению своей дочери еще и инструментальный характер, стараясь обустроить его так, чтобы оно способствовало сближению с мужем, и ждала "благоприятных условий"³. Для Киры (24) проблема состоит в том, что ей нужно непременно все вместе и

все в превосходной степени - муж, карьера, ребенок. Все это у нее есть, но превосходная, с ее точки зрения, степень - не получается. Отказаться от чего бы то ни было из трех, или хотя бы снизить требования к степени осуществления всего этого в своей жизни, она не может и не хочет, и поэтому чувствует себя усталой и несчастной. Для Яны (2) и Аллы (5) важна зрелость самой женщины к моменту появления у нее ребенка, то есть, с их точки зрения, в определенный период жизни женщины рождение у нее детей становится благоприятным для ее личностного развития, в то время как до этого их появление на свет было бы неправильным: "...теперь у меня, по крайней мере, было, что им показать [в этой жизни]..." (2); "надо, по крайней мере, [сначала] стать взрослой, самой для себя" (5). Для Нади (3), столь страстно любящей детей теперь (см. выше), необходимым условием появления на свет ее сыночек оказался муж, так же благоприятно относящийся к деторождению, как и она сама - в этой ситуации она родила четверых, и не против родить еще: "Как-то раз мы сидим с ним, и он говорит: «Представь себе, что у нас был бы только один ребенок - но кого же из них выбрать?»". Вика (21) родила одного сына, которым всегда тяготилась, чувствуя себя совершенно несчастной из-за его существования в ее жизни. С точки зрения Вики, роды - унижительный и болезненный телесный опыт, беременность - временное уродство, болезнь, которую лучше всего прожить поскорее, стараясь обращать на нее как можно меньше внимания, дитя - наглое существо, которому приходится подчинять свою жизнь. Однако, альтернативные пути - работа, карьера - оказались для Вики слишком сложными, они также требовали слишком большой самоотдачи. Наличие же ребенка рядом, о котором Вика нескрывая вынужденно заботится, в конечном итоге обеспечивает ей место в жизни, самоопределение, социальную идентичность. В свое время ребенок появился на свет по желанию любимого Викой мужа ("я чувствовала, что я должна это для него сделать, потому что я могу"), в то время как сама она, в глубине души, не хотела детей.

Суммируя все вышеизложенное, можно представить причины, или мотивы, принимаемые женщинами во внимание при решении вопроса о том, иметь или не иметь детей, следующим образом:

Ребенок (как ценность)	мужчина (как ценность)	я сама (как ценность)
----------------------------------	----------------------------------	---------------------------------

В дополнение к ценностному характеру или вместо него, все эти элементы могут иметь инструментальное значение для достижения других в этой совокупности:

ребенок (как инструмент)	мужчина (как инструмент)	я сама (как инструмент) ⁴
------------------------------------	------------------------------------	--

В конкретном случае может быть представлен только один из этих элементов, два, или все три, в их ценностном и/или инструментальном варианте. То есть женщина может рожать ребенка для того, чтобы "получить" желанного для нее мужчину; может, наоборот, вступать в партнерские отношения с мужчиной ради того, чтобы, наконец, родить желанного для нее ребенка. Как показывает исследование, в настоящее время женщины предпочитают делать это именно в таких партнерских отношениях, в результате изменения государственной политики и пропаганды в отношении материнства. Она может стремиться к материнству ради своего личностного саморазвития, для достижения ценной для себя социальной идентичности; в других случаях - ее жизнь, здоровье, развитие, карьера могут представляться ей находящимися в противоречии с существованием ребенка. Иногда "против" ребенка оказывается нужной женщине мужчина - например, некоторые отказницы оставляют своих мла-

денцев в роддоме под давлением партнера (из моих интервьюируемых - это только до некоторой степени Лидия (28)). А бывает и так, что "я сама" постепенно становится инструментом, в то время как ребенок приобретает всеподавляющее значение.

Итак, в статье представлена многообразная картина самообъяснений женского репродуктивного поведения. Безусловно, это не только самообъяснения; в значительной степени рассмотренные мотивы, весьма вероятно, отражают истинные причины деторождения, хотя судить о том, до какой степени это лишь собственные концепции и где начинаются настоящие мотивации, достаточно сложно. Может быть, в этом и нет необходимости, поскольку задачей данного исследования было лишь выяснить, что думают сами люди об этой стороне своей жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие сведения об интервьюируемых

(1) **Нина**, мать 8 детей, от двоих последних хотела отказаться, но потом взяла, так как ее муж согласился на это; 1958 г.р. (2) **Яна**, мать двоих детей, родившихся с интервалом в один год; 1970 г.р. (3) **Надя**, мать четверых детей; 1962 г.р.; (4) **Вера**, мать-одиночка, основала ассоциацию "Только мама" - организацию взаимопомощи, объединяющей 50 матерей-одиночек; 1960 г.р.; (5) **Алла**, столкнулась с биологическими трудностями в своем желании забеременеть, стремится к одинокому материнству от конкретного мужчины; 1965 г.р.; (6) **Галя**, столкнулась с проблемой бесплодия и в конце концов решила ее для себя, удочерив ребенка из детдома; 1959 г.р.; (7) **Рая**, отказница, имеет дочь 13 лет, отказывается от недоношенного мальчика в связи с тем, что его отец, в начале согласившийся воспитывать ребенка вместе с ней, ушел от нее на 4-м месяце беременности, когда делать аборт было уже поздно; 1962 г.р.; (8) **Ксения**, отказница, замужем, материально обеспеченная, студентка; отказывается потому, что ребенок сейчас не нужен, не готова к материнству; 1976 г.р.; (9) **Алиса**, отказница; недоношенный ребенок, неустойчивое партнерство, неудовлетворяющие отношения с мужем и матерью, "молодежный бунт"; 1978 г.р.; (10) **Настя**, отказница, от третьего ребенка, двое других живут с ней; все дети от одного и того же мужчины, который ушел от нее; 1976; г.р.; (11) Даша, отказница; две ее дочери внебрачные, первая родилась недоношенной из-за попытки позднего аборта, живет с ней; вторая доношенная, не нужна, живет с родителями-дворниками, братом и сестрой в одной комнате; 1978 г.р.; (12) **Инна**, отказница (временно), желание одиночества; 1970 г.р.; (14) **Лариса**, отказница, от третьего сына; хотела удержать мужчину, который ушел от нее на позднем сроке беременности, первые два сына от другого мужа живут с ней; 1960 г.р.; (15) **Зина**, отказница, от второй дочери, отец которой неизвестен; первая дочь живет с ней; пьет, от случая к случаю - проституция; 1969 г.р.; (16) Элла, хотела отказаться от второго ребенка, а потом взяла, неохотно, по настоянию мужа; считала, что ребенок родился больным и не вовремя; 1964 г.р.; (17) **Тамара**, хотела отказаться от первой дочери, но передумала; отказалась от ребенка временно из-за отсутствия условий для проживания с ребенком; студентка, одинокая; 1971 г.р.; (18) **Валя**, живет с братом-алкоголиком в доме, куда опасно принести ребенка; мужа нет, сама детдомовская; не отказалась от второй дочери, родившейся с пороком сердца; 1976 г.р.; (19) **Жанна**, отдала ребенка мужу при разводе; 1968 г.р.; (20) **Майя**, не против иметь ребенка, но не очень к этому стремится, для нее важнее другие вещи в жизни; 1967 г.р.; (21) **Вика**, один ребенок, сосуществование с которым тяготит ее; 1965 г.р.; (22) **Валерия**, не хочет иметь детей; 1965 г.р.; (23) Лада, один ребенок, очень счастлива своим материнством; 1968 г.р.; (24) **Кира**, хочет иметь и имеет все - мужа, ребенка, карьеру; 1962 г.р.; (25) **Полина**, не хочет иметь детей; 1971 г.р.; (26) **Юлия**, бисексуалка, мать одного сына; 1970 г.р.; (27) **Люба**, отказница; воспитывалась теткой, родные родители отказались, с приемными - конфликт; жила с отцом ребенка и свекровью, выгнали из дома; отказывается потому, что некуда принести ребенка, хотя любит его отца и отказываться не хочет; 1976 г.р.; (28) **Лидия**, отказница, живет с мужчиной в незаконном браке; есть один ребенок, нет денег, нет документов, зависят в финансовом отношении от родителей мужа; отказывается от второго ребенка под давлением мужа, хотя не хочет этого; 1969 г.р.; (29) **Ульяна**, три дочери; религиозна, художница и учительница; жизнерадостна, несмотря на бедственное социальное и финансовое положение; родила третьего ребенка и не против родить четвертого, замужем второй раз; 1963 г.р.; (30) **Вероника**, тяжелый порок сердца, родила одну дочь, несмотря на уговоры врачей, препятствовавших ей в этом; 1962 г.р.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервьюируемая мать-одиночка (Вера, (4)) прокомментировала это утверждение о высоком престиже героического материнства - понимаемого некоторыми прежде всего как одинокое материнство - следующим образом: *"Разве можно сравнивать нас [матерей-одиночек] и Богородицу, ведь, прежде всего, во всех наших случаях некая грешная история предшествовала материнству!"* На мой взгляд, однако, тут нет истинного противоречия. Ведь непорочное зачатие, а затем рождение и воспитание ребенка, предназначенного пожертвовать собой во имя общественного блага, представляет собой религиозный идеал женского поведения. Реальные жизненные ситуации могут лишь приближаться к этому идеалу. И одинокое материнство представляет собой одну из наиболее близких к нему позиций. Парадоксальным образом к идеалу приближается и ситуация оплодотворения "в пробирке" - зачатия вполне непорочного, по крайней мере, совершенно освобожденного от сексуальности.

² См. Приложение, в котором под цифрами в скобках приводятся краткие сведения об интервьюируемых; все имена изменены в целях конфиденциальности.

³ Вообще, "благоприятные условия" можно отнести как к группе *"я сама"*, поскольку при их наличии материнство становится более легким и приятным делом, к тому же осуществляемым в момент, когда оно не противоречит другим жизненным задачам и планам женщины; с другой стороны, к группе *"ребенок"*, поскольку те, кто считает ребенка заслуживающим благоприятной обстановки, иногда действительно искренне ставят его выше себя (в смысле: "я-то еще могу жить так, но ребенок должен жить лучше"). Иногда ожидание "благоприятных условий" становится простой отговоркой для тех, кто на самом деле не хочет иметь детей вообще, но предпочитает не признаваться в этом открыто.

⁴ "Я сама", собственная личность, действительно может представляться вторичной или инструментальной для достижения других целей - например, мужчина может казаться женщине важнее себя самой; или, в духе традиционализма, собственное существование может мыслиться как имеющее смысл лишь в свете выполнения единственного "предназначения" женщины на Земле, состоящего в рождении ею детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В.Н.* Репродуктивные ориентации и их детерминация в городских семьях // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988.
2. *Баскакова М.Е.* Социальная защита женщины-матери в условиях преобразования общества // Женщина и свобода. Работы международной конференции (Москва, 1993) по женским проблемам в бывшем советском пространстве. М.: Наука, 1994.
3. *Бондарская Г.А.* Внебрачная рождаемость в Российской Федерации: динамика и перспективы // Женщина и свобода. Работы международной конференции (Москва, 1993) по женским проблемам в бывшем советском пространстве. М.: Наука, 1994.
4. *Малаховская Н.* Материнская семья // Женщина и Россия / Ред. Мамонова Т. 1979. № I. Paris: Des femmes, 1980.
5. *Родионова М.С.* Причины отказа от материнства // Человек. 1996. № 5.
6. *Firestone Sh.* The Dialectics of Sex. The Women Press, 1988.
7. *Irigaray L.* This Sex Which is Not One. Cornell University Press, 1985.
8. *Kaplan E.A.* Motherhood and Representation, the Mother in Popular Culture and Melodrama. London and New York: Routledge, 1992.
9. *Kaplan M.M.* Mother's Images of Motherhood. London and New York: Routledge, 1992.
10. *Oakley A.* From Here to Maternity. Penguin Books, 1986.
11. *Beck U., Beck-Ghernstein E.* The Normal Chaos of Love. Polity Press, 1995.
12. *Колесов В.В.* Домострой. Серия "Литературные памятники" / Ред. Рождественская В.В. СПб.: Наука. 1994.
13. *Aristarkhova I.* Trans-lating Gender into the Russian (Con)text. Coventry: Center for Comparative Labour Studies working papers, University of Warwick. 1995. № 6.
14. *Цеханская К.В.* Идеал женщины в русской православной традиции // Женщина и свобода. Работы международной конференции (Москва, 1993) по женским проблемам в бывшем советском пространстве. М.: Наука, 1994.
15. *Брутман В.И., Варга А.Я., Родионова М.С., Исупова О.Г.* Девиантное материнское поведение (опыт междисциплинарного анализа случая отказа от ребенка) // Московский психотерапевтический журнал. 1996. №4.